

УДК 821.111 (092 У. Голдинг)

**ТРАГЕДИЯ РАЗРУШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»**

С.С. ХОХА

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Рассмотрены особенности осмысления проблемы личности и цивилизации в романе У. Голдинга «Повелитель мух». Обращается внимание на то, что герои произведения представляют собой социум в миниатюре. Голдинг подчеркивает, что человек склонен к разрушению и собственной души, и окружающего мира, созданного им самим в результате многовекового труда. По У. Голдингу, саморазрушение личности происходит одновременно с разрушениями гуманных устоев общества, а затем и разрушением материальных ценностей земли, поскольку люди и создаваемое ими общество при определенных условиях могут легко скатиться к варварству. В романе автор показал опыт жестокости цивилизации, который перенесен в детское сознание.

«Я начал понимать, на что способны люди. Всякий, прошедший войну и не понявший, что люди творят зло подобно тому, как пчела производит мёд, – или слеп, или не в своем уме. Будучи молодым человеком, до войны я имел легковесно-наивные представления о человеке. Но я прошёл через войну, и это изменило меня. Война научила меня – и многих других – совсем иному» [1, с. 84].

У. Голдинг.

Введение. События Второй мировой войны заставили человечество по-другому взглянуть на процесс собственного развития. Число жертв было невыносимым, а жестокость военных действий охватила весь мир. Глубина падения человека и цивилизации была очевидной и ужасающей, поскольку идея целенаправленного уничтожения людей, стран, наций отразилась на народах Европы, обладающих тысячелетней великой культурой и подаривших миру прекраснейшие образцы гуманизма и духовности. Разрушилась идея о человеке разумном и добром – концепция, существовавшая не одну сотню лет.

В творчестве английского писателя Уильяма Голдинга, непосредственного участника Второй мировой войны, эта тема проходит «сквозной нитью»: автор в своих повестях и романах, в лекциях, в публичных выступлениях и интервью не раз говорил о крушении гуманизма, о том, что «человек – существо падшее» [2, с. 225], что человек – «самое опасное из всех животных» [3, с. 10], что «темно сердце человеческое»¹ [4, с. 182]. Такие взгляды дали основание критикам говорить о Голдинге как о мизантропе, человеконенавистнике, крайне критично оценивавшем человеческую цивилизацию и общество. По словам У. Голдинга, именно война заставила его взяться за перо. Мировая трагедия взорвала прежние представления писателя о мире и человеке, изменила его жизненные ощущения, существенно повлияла на все его творчество. Голдинг признавался: «Прежде я верил в совершенствование человека как существа социального, в то, что правильное общественное устройство пробудит к жизни силы доброй воли, и в то, что социальное зло можно искоренить с помощью реорганизации общества» [1, с. 86]. Война заставила его взглянуть на человека как на «самое опасное из всех животных», привела к выводу, что «изъяны истории восходят к коренным изъянам человеческой природы» [3, с. 10].

Основная часть. В романе У. Голдинга «Повелитель мух» присутствуют черты послевоенного кризиса идей гуманизма. Произведение является основанием для обвинения писателя в человеконенавистничестве. Причина этого, возможно, в том, что героями, символизирующими собой падение человечества, являются дети. Писатель изобразил детей как продолжение человеческого рода, показал в их индивидуальных характеристиках разрушение личности. Действительно, «Голдинг в определенном смысле разрушает устоявшуюся в европейской литературе традицию изображения детей как воплощения чистоты и непорочности: многие юные персонажи романа не уступят взрослым в жестокости и способности опьянеть от насилия» [6, с. 142]. Своим произведением Голдинг убеждает, что «преступны самообольщения относительно врожденной разумности и доброты человека – проверка делом обнаруживает, что человек при известных условиях способен предстать существом удручающе своекорыстным, иррациональным, злым» [7, с. 188].

¹ “the darkness of man’s heart” [5, p. 208].

«Повелитель мух» – это повествование о постепенном одичании и озверении цивилизованных школьников элитарной британской школы, попавших в результате авиакатастрофы на необитаемый остров посреди океана. Примитивные условия жизни на острове формируют в детях разного возраста ужасные инстинкты – жадность, зависть, жестокость, жажду крови, садизм, все то, что «от природы» присуще человеку и лишь более ли менее спрятано в нем цивилизацией. Помещая на остров детей разного возраста – от шестилетних малышей до тринадцатилетнего Роджера, – автор сравнивает возрастное неравенство среди детей с социальным неравенством во взрослом обществе.

Голдинг рисует «ускоренное развитие» назад: дети на острове проделывают «обратный» путь от цивилизации XX века до первобытного варварства. Автор детально описывает характеры детей, отношения между ними. В какой-то момент они – дети, потом – почти взрослые, потом – снова дети и так далее. Медленно, виток за витком, он «прокручивает» спираль сюжета, и мы следим за переменами в маленьких мальчиках, которые, начав с невинных поступков, приходят к другим, совершенно взрослым «играм». Автор показывает яркий контраст изменений, происходящих в человеческой душе. Мальчики стоят на рифе вначале как хозяева, созерцая свой остров – «*голова кружила высота, кружила дружба*»² [4, с. 28]. На самом деле это – иллюзия, ведь они оказались на острове в результате авиакатастрофы, т.е. упали с неба, с высоты (но им кажется, что они свободны). В этом падении явно звучит мотив грехопадения, низвержения из «рая цивилизации» в царство дикости и первобытности.

В начале произведения на острове торжествует мир и согласие. Есть радость новизны, заманчивая перспектива пожить «как в книжках» – остров, куда волей обстоятельств попали герои, вызывает у них ассоциации и с «Коралловым островом» Баллантайна, и с «Островом сокровищ» Стивенсона. Мальчикам пока удается сочетать игру с выполнением необходимых обязанностей: старшие заботятся о младших, строятся шалаши, аккуратно поддерживается костер, разведенный на вершине горы для сигнализации о бедствии. Поначалу мальчики по инерции подчиняются законам взрослых, внутри каждого живы еще моральные табу. Даже наиболее расположенный к злу и насилию Роджер не в одночасье перерождается. Демонические устремления в нем получают отпор от заложенных нормами и правилами общественной жизни. Так, в начале повести тринадцатилетний герой кидает камни возле маленького мальчика: он бросает не в самого малыша, а рядом с ним, стараясь не задеть его: «*Но вокруг Генри оставалось пространство ярдов в десять диаметром, куда Роджер не дерзал метить. Здесь невидимый, но строгий, витал запрет прежней жизни. Ребенка на корточках осеяла защита родителей, школы, полицейских, закона. Роджера удерживала за руку цивилизация, которая знать о нем не знала и рушилась*»³ [4, с. 55–56].

Однако стоит один раз переступить черту (согласно Ф. М. Достоевскому), и оказываешься по другую сторону добра: от маленького проступка – к преступлению, от маленького камешка – к огромному валуну, который поддел Роджер и которым впоследствии был убит Хрюша. «*На самом верху под камень было втиснуть бревно, а под ним пристроено другое – рычаг. <...> Если налечь как следует, глыба загремела бы на перешеек*»⁴ [4, с. 143]. «*<...> Высоко наверху Роджер в иступленном забытьи всей тяжестью налегал на рычаг. Ральф услышал огромный камень гораздо раньше, чем его увидел. Он почувствовал, как содрогнулась земля – толчок отдался в пятки, сверху с грохотом посыпались камни поменьше. Что-то красное, страшное запрыгало по перешейку, он бросился плашмя, дикари завизжали. Камень прошелся по Хрюше с головы до колен; <...>. Хрюша без слова, без звука полетел боком с обрыва, переворачиваясь на лету. Камень дважды подпрыгнул и скрылся в лесу. Хрюша пролетел сорок футов и упал спиной на ту самую красную, квадратную глыбу в море. Голова раскрылась, и содержимое вывалилось и стало красным. Руки и ноги Хрюши немного подергались, как у свиньи, когда ее только убьют. Потом море снова медленно, тяжело вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной; а когда оно снова отхлынуло, Хрюши уже не было*»⁵ [4, с. 163–164].

² “They were lifted up: they were friends” [5, p. 28].

³ “Yet there was a space round Henry, perhaps six yards in diameter, into which he dare not throw. Here, invisible yet strong, was the taboo of the old life. Round the squatting child was the protection of parents and school and policemen and the law. Roger’s arm was conditioned by a civilization that knew nothing of him and was in ruins” [5, p. 61].

⁴ “A log had been jammed under the topmost rock and another level under that. <...> A full effort would send the rock thundering down to the neck of the land” [5, p. 154].

⁵ “High overhead, Roger, with a sense of delirious abandonment, leaned all his weight on the level. Ralph heard the great rock before he saw it. He was aware of a jolt in the earth that came to him through the soles of his feet, and the breaking sound of stones at the top of the cliff. Then the monstrous red thing bounded across the neck and he flung himself flat while the tribe shrieked. The rock struck Piggy a glancing blow from chin to knee; <...>. Piggy, saying nothing, with no time for even a grunt, traveled through the air sideways from the rock, turning over as he went. The rock bounded twice and was lost in the forest. Piggy fell forty feet and landed on his back across the square red rock in the sea. His head opened and stuff came out and turned red. Piggy’s arms and legs twitched a bit, like a pig’s after it has been killed. Then the sea breathed again in a long, slow sigh, the water boiled white and pink over the rock; and when it went, sucking back again, the body of Piggy was gone” [5, p. 185–186].

«Кровопротитие», безусловно, является одним из важнейших мотивов повести.

Вспомним Ф.М. Достоевского, Раскольников тоже не может сразу «переступить через кровь». Ему снится сон, после которого он сам себе говорит: «*Ведь знал же я, что не выдержу*» [8, с. 212].

Раскольниковское «разрешение крови по совести» сродни разрешению крови ради собственного насыщения и азарта у голдинговских мальчишек. В «Повелителе мух» во время первой встречи с жертвой – свиней – Джек Мерридюю не смеет вонзить острое копьё в живую плоть: «*Джек снова выхватил сверкающий нож. Он уже занес руку. Но тут наступила пауза, заминка, только свинья все визжала, и лианы тряслись, и все сверкало в тощей руке нож. <...>. Но вот свинья вырвалась и метнулась в чащу. <...>*

– Я примерялся, – сказал Джек. – Я как раз выжидал момент.

<...>

– Так чего же ты...

Они прекрасно знали, чего же. Из-за того, что даже представить себе нельзя, как нож врезаётся в живое тело, из-за того, что вид пролитой крови непереносим.

– Я хотел, – сказал Джек. Он шел впереди, и они не видели его лица. – Я примерялся. Ну, уж в следующую раз...»⁶ [4, с. 29].

Автор заканчивает, вместо героя, фразу: «*Уж в следующий раз пощады не будет*»⁷ [4, с. 29]. После первой удачной охоты на руках у Джека кровь, сначала она жжет ему руки, но он потихоньку привыкает к ней: «*Заметил у себя на руках кровь, перекопился, искал, чем бы ее вытереть, вытер о шорты и расхохотался*»⁸ [4, с. 62]. Дальше – больше. Кровь разжигает дикое, потаенное в Джеке. Теперь он уже имитирует охоту, загоня в круг Роберта. Пока это только шутка, развлечение: «*Ничего игра, а?*»⁹, – любопытствует Джек [4, с. 103]. Следующая жертва – свиноматка, кормящая мать, окруженная детенышами-поросятами: «*Джек оседлал свинью и добивал ее ножом. Роджер наконец нашел, куда воткнуть копьё, и вдавливал, наваясь на него всем телом. Копьё дюйм за дюймом входило все глубже, и перепуганный визг превратился в пронзительный вопль. Джек добрался до горла, и на руки ему брызнула горячая кровь. Свинья обмякла под ними, и они лежали на ней, тяжёлые, удовлетворенные. <...>*

<...> Джек встал, раскинул руки:

– Смотрите.

Он хихикал, махал пропахшими ладонями, а все хохотали. Потом Джек схватил Мориса и мазнул его кровавой ладонью по лицу»¹⁰ [4, с. 122].

Таким образом, одно преступление тянет за собой другие, более тяжкие: от боязни пустить кровь свиней к первому убийству животного, затем игра «в жертву» с человеком, далее посягательство на святое – мать семейства (пусть это просто свинья с детенышами), впоследствии случайное (в азарте) убийство Саймона, намеренное убийство Хрюши и, как естественный итог, травля Ральфа по всем правилам охоты на зверя. Благовоспитанные английские мальчишки превращаются в племя разнузданных дикарей. Подростки на острове прошли путь превращения людей в хищников, зверей.

⁶ “Jack drew his knife again with a flourish. He raised his arm in the air. There came a pause, a hiatus, the pig continued to scream and the creepers to jerk, and the blade continued to flash at the end of a bony arm. <...> Then the piglet tore loose from the creepers and scurried into the undergrowth. <...>.”

“I was choosing a place,” said Jack. “I was just waiting for a moment to decide where to stab him.”

<...>

“Why didn’t you –?”

They knew very well why he hadn’t: because of the enormity of the knife descending and cutting into living flesh; because of the unbearable blood.

“I was going to”, said Jack. He was ahead of them, and they could not see his face. “I was choosing a place. Next time —!” [5, p. 29–30].

⁷ “Next time there would be no mercy” [5, p. 30].

⁸ “He noticed blood on his hands and grimaced distastefully, looked for something on which to clean them, then wiped them on his shorts and laughed” [5, p. 69].

⁹ “That was a good game” [5, p. 110].

¹⁰ “Jack was on top of the sow, stabbing downward with his knife. Roger found a lodgment for his point and began to push till he was leaning with his whole weight. The spear moved forward inch by inch and the terrified squealing became a highpitched scream. Then Jack found the throat and the hot blood spouted over his hands. The sow collapsed under them and they were heavy and full-filled upon her. <...>.”

<...> Jack stood up, holding out his hands.

“Look”.

He giggled and flicked them while the boys laughed at his reeking palms. Then Jack grabbed Maurice and rubbed the stuff over his cheeks” [5, p. 132].

Итак, пылает остров, подожженный со всех сторон охотниками. Конец Ральфа, казалось бы, неотвратим. Но в самый последний момент, как божество в античной трагедии, появляется откуда ни возьмись английский офицер в белоснежной фуражке с золотыми пуговицами на мундире, мужественный и прекрасный избавитель, каким не раз рисовался он в мальчишеских мечтах. Появление офицера спасает Ральфа от смертельной погони. Но его вооружение и красивый военный мундир являются по иронии судьбы такими же атрибутами садистской погони за человеческими жертвами в войне, как и раскрашенные лица, и заостренные палки в руках детей, преследующих Ральфа. Взрослые точно так же охотятся на тех, кого считают своими врагами, но они маскируют свою жестокость более изощренно. И когда Ральф плачет в конце романа, то он оплакивает утраченную чистоту неведения и мрачную темноту человеческой души, смерть истины, то есть не только гибель своих друзей, но и предстоящую гибель всего рода человеческого, если оно не найдет в себе силы противостоять Злу. Он плачет от ощущения «темноты в своем сердце», он оплакивает «утрату невинности», которая замещена осознанием жестокости и опасности. Он скорбит по поводу того, что мир оказался совсем не таким, каким он его себе представлял. Он уже не может радоваться возвращению во взрослый мир, слишком близко он столкнулся с жестокостью, прячущейся в глубинах человеческой личности.

Писатель показал подростков, выросших в цивилизованном обществе, но утративших его принципы, которые принято называть «позолотой веков» (И. Тэн) [9, с. 90], из-за собственного эгоизма, цинизма и жестокости.

Нет сомнения в том, что цивилизованный мир не сможет внести утерянный смысл в жизнь Ральфа, что спасение его – это лишь спасение от ужасной смерти, но не спасение от трагедии жизни. Мир взрослых по большому счету ничем не отличается от мира детей, жизнь человечества – это жизнь детей на острове. Не случайно и сам остров похож на корабль, который «... вздыбился с этого края и за их спинами круто обрывался к морю. <...> Был отлив, от рифа туго и медленно растекались полосы пены, и на минуту им показалось, что корабль ровно движется кормой вперед»¹¹ [4, с. 27]. Традиционный образ корабля-цивилизации выражает мысль Голдинга о том, что противоположность человеческого общества на острове и большого мира – лишь видимость. Одиичание детей является одиичанием и любого, каждого человека, и всего человечества. Темное, злое начало присутствует в душе человека, поэтому «повелителю мух» легко удаётся уничтожение добра и красоты, превращение благого в губительное, друзей – во врагов, полезного – в смертельное, читатель получает наглядный урок унижения мудрости и возвеличивания жестокой власти.

В трагедии маленьких героев, каждый из которых вынужден был либо продать душу демону зла, чтобы сохранить жизнь либо сохранить духовную целостность и человеческое достоинство ценой жизни, заключен центральный конфликт романа. Авторское решение конфликта основано на концепции имманентной природы зла: зло не абсолютно, но оно существует в человеке и проявляет себя как отсутствие добра в человеческих отношениях. Эту истину и постигает маленький Саймон, разоблачив «повелителя мух», поскольку увидел в нем не воплощение всемогущего «мирового зла», но отвратительное и ничтожное исчадие несовершенства и злобности, сотворенных самими людьми в страхе и неведении. Герой Голдинга понимает человека, сознает двойственность его природы, видит в нем существо «героическое и болезненное». Ту же болезнь – зверя в человеке – он ощущает и в себе; он, чувствуя себя одним из многих, хотя и любит их, готов жертвовать ради них жизнью. Согласно Голдингу, до тех пор, пока человечество не осуществит возможности познать зло в себе и не истребит его, оно будет пребывать в том состоянии, в котором находилось всегда – на грани жизни и смерти. Так сформулировал Голдинг идею морального урока, преподанного в «Повелителе мух».

Заключение. Роман Уильяма Голдинга «Повелитель мух» представляет сложную аллегорию и современную интерпретацию первородного греха, сопровождающегося размышлениями о противоречивости человеческой природы. Взгляд писателя на судьбу человечества основывается на представлении о том, что причина конфликтов прошлого и современности лежит не в характере взаимодействия человека с миром, не в социальных отношениях, которые он создает в процессе своей деятельности, наконец, не в экономических факторах, а коренится внутри самого человека. Голдинг пытается разобраться в механизме истории, в глубинах человеческой природы, задумываясь о будущем и страстно желая предупредить людей об опасности, которую они могут создать сами себе и всей планете, потеряв контроль над собственной натурой.

Роман «Повелитель мух» является аллегорическим свидетельством трудного и благородного пути человечества, которым оно шло многие века по ступеням цивилизации, создавая и созидая мир добра,

¹¹ «<...> humped near this end with behind them the jumbled descent to the shore. <...>. The tide was running so that long streaks of foam tailed away from the reef and for a moment they felt that the boat was moving steadily astern» [5, p. 27–28].

науки и нравственности. И понадобилось всего несколько месяцев, чтобы этот мир уничтожить. Поэтому тезис автора беречь человечность и добро становится своеобразной «надвременной моделью».

ЛИТЕРАТУРА

1. Golding, W. *The Hot Gates* / W. Golding. – London: Faber & Faber, 1984. – 176 p.
2. Голдинг, У. Выступление на встрече писателей Европы в Ленинграде / У. Голдинг // Иностранная литература. – 1963. – № 11. – С. 225–227.
3. Чамеев, А.А. Уильям Голдинг – сочинитель притч / А.А. Чамеев // Бог-скорпион. Клонк-клонк. Чрезвычайный посол / У. Голдинг. – СПб.: Азбука классика, 2006. – С. 5–30.
4. Голдинг, У. Повелитель мух. Шпиль: [романы: пер. с англ.] / У. Голдинг. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 349 с.
5. Golding, W. *William Golding's Lord of the Flies: text, notes and criticism [casebook edition]* / W. Golding, J.R. Baker, A.P. Ziegler. – New York: Perigee books, 1983. – 291 p.
6. Английская литература: 1945–1980 / отв. ред. А.П. Саруханян. – М.: Наука, 1987. – 511 с.
7. Зверев, А.М. Крупным планом. Уильям Голдинг, сочинитель притч / А.М. Зверев // Дворец на острие иглы: Из художественного опыта XX века / А.М. Зверев. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 184–198.
8. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: роман: в 6 ч. С эпилогом / Ф.М. Достоевский. – М.: Просвещение, 1982. – 480 с.
9. Тэн, И. История английской литературы. Введение: пер. с фр. / И. Тэн // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе / сост. Г.К. Косиков; общ. ред. Г.К. Косиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 72–94.

Поступила 16.06.2014

THE TRAGEDY OF THE DESTRUCTION OF A PERSONALITY IN WILLIAM GOLDING'S NOVEL "LORD OF THE FLIES"

S. KHOKHA

The understanding peculiarities of the problem of a man and a civilization in W. Golding's story "Lord of the Flies" are considered in the article. The attention is paid to the fact that the characters of this work represent society in a miniature. Golding emphasizes that the person is inclined to the destruction of both his own soul, and the world around created by him as a result of centuries-old work. According to W. Golding, self-damage of the personality happens currently with the destructions of humane foundations of society, and then with the destruction of material values of the earth as people and their society can easily come down to barbarity under certain conditions. In this story the author showed experiment of a civilization's cruelty which is transferred to the children's consciousness.